

СВЕТ НАДЕЖДЫ (Послесловие к выставке).

«Отдых в пути». 1975 г.

«Русский человек в основе своей всегда был глубоко равнодушен к внешней, материальной стороне жизни; его внимание обращено к внутренним духовным ценностям. Он видит, переживает и страдает вместе с ближним, как будто перед ним его собственное лицо в час несчастья...».

**Райнер Мария Рильке,
австрийский поэт.**

«XX век художника Доброва» - так называлась выставка народного художника России, заслуженного деятеля искусств РФ, члена-корреспондента Российской академии художеств, проходившая с 6 по 25 августа 2013 года в залах на Пречистенке. В Москве это была первая посмертная выставка художника, скончавшегося в марте 2011 года.

Представление о художнике, который ушёл... оно двойственно. Он удаляется от нас сам, мы никогда уже не сможем посидеть с ним рядом, поговорить... Но поразительно, что подлинное узнавание художника начинается лишь после его смерти. И выставка подтвердила это.

12 живописных работ и 32 графических, в т.ч. несколько фотокопий в размер оригинала, - скромно разместились в двух небольших залах Российской академии художеств. На открытие пришли друзья, коллеги, те, кто знал художника прежде, снимал его, писал о нём, кто хорошо помнил живое ощущение его неповторимости. Были и те, кто не знал его лично, но видел по телевидению прекрасный фильм Игоря Калядина «Ночные летописи Геннадия Доброва», созданный уже после смерти художника. Выступали известные деятели российской культуры, академики Любавин А.А. (ректор художественного института им.Сурикова), Кошкин О.А. (главный учёный секретарь Президиума), Теслик А.И. (секретарь отделения графики), Рожин А.И. (главный редактор журнала «Третьяковская галерея»), живописец Пархунов Б.В., Никитина Т.С. (журналист, сценарист, литературный критик). Все они говорили о художнике Доброве, как об абсолютном примере служения Отечеству, о его верности идеалам своего народа и традициям русского искусства, о его бесстрашии в выборе тем.

Но не только это. По многочисленным записям, оставленным в Книге отзывов за всё время выставки, по удивительным разговорам в залах, по тому, как люди подолгу стояли у картин и смотрели, едва сдерживая слёзы, чувствовалось, как глубоко они были взволнованы. «Когда рисунки и полотна имеют голос, это значит, что они живые», - пишет один из посетителей. Художник в своих работах вступает в своеобразный диалог с современным зрителем - что есть Россия, что есть Россия сегодня, что такое сегодня её народ.

Представленные рисунки, которые удалось разместить в пространстве залов, были зачастую лишь отдельными фрагментами больших графических серий, над которыми подолгу работал автор. Не было, наверно, ни одного серьёзного мастера, который не обращался бы к теме Великой Отечественной войны. Но только Геннадий Добров сумел так сказать о войне, показать о ней такую правду, к которой другие боялись даже приблизиться. Его инвалиды из серии «Автографы войны» (1974-1980 гг.) - рядовые солдаты. Их увечья ужасают, смотреть на это практически невозможно, здесь запредельные страдания. Это и есть истинное лицо войны. Но эти душераздирающие образы (и об этом пишут в Книге отзывов), осязаемые такой любовью, таким состраданием художника, что они нисколько не отталкивают, не подавляют. Напротив. Это и есть особый секрет Геннадия Доброва. В этом умении - перешагнуть какую-то черту и сделать почти невозможное: соединить эстетическое с антиэстетическим - ему пока что, пожалуй, равных нет. Это понимают и здесь, и в Германии, где в мае этого года проходила его выставка «Реквием», и в США, где в 2008 году в штаб-квартире ООН художник показывал свои «Листы скорби». (Кстати, даже интернет подтверждает живой интерес к работам Геннадия Доброва в самых разных странах).

Первое, что видел зритель, когда входил в зал, это картина «Прощальный взгляд» (1982 г.). Тема актуальна и сегодня: спившийся музыкант, вся жизнь - в руинах, разбитая семья, одиночество. 30 лет назад эту картину относили к разряду так называемой «чернухи» и поначалу не брали на выставки. Доброва обвиняли в том, что он дискредитирует советскую интеллигенцию, что отрицательный герой не может быть центральным образом картины. Но проходили годы, в стране многое менялось, картину начали активно выставлять, и она вызвала большой резонанс в обществе. В качестве антигероя мастер выбирает именно музыканта. Музыка - это самая высокая, самая таинственная сфера искусства, высшая степень гармонии. И драма здесь - гибель музыканта,

такого же художника - ничуть не меньше, чем смерть бойца на фронте. Это не война, здесь нет убитых, но это такая же смерть, смерть музыки, смерть души. Это реквием по музыканту. И если в портретах инвалидов войны даже с увечьями человек остаётся нерушимым, в нём живой дух, живая душа, то здесь - победа смерти, хотя герой картины и не разорван в клочья войной...

Многие работы были своеобразным открытием для публики. Никогда прежде не выставлялся трагический автопортрет-фантазия «Инакомыслящий» (литография, 1971 г.), связанный с трудным периодом жизни художника. Зрители удивлялись, поражались неизвестным ранее графическим листам 70-х гг. «Мария Ивановна читает Библию», «Сосед Абрам Яковлевич», «Девятый день»... «Как он всё мог, мог так видеть, мог так мастерски рассказать о человеке - и как-то неожиданно, и по-разному, и в своей манере, своим языком...», - говорили в зале.

Но что всё-таки являлось центром выставки?

По мнению части зрителей, кульминация выставки - это загадочная картина-притча «Бред преследования» (1986 г.) Она тоже когда-то вызывала отчаянные споры и на выставках, и на страницах прессы, и собирала много зрителей на выставках. Два образа в многофигурной композиции являются центром и смыслом всей картины. Вот что писал сам художник в одном из частных писем:

«...Итак, это картина о больной Совести человека, совершившего в прошлом огромные преступления, которые его неотвязно мучают, и о которых он не в силах уже кому-либо рассказать, так как сошёл на этой почве с ума... Грязная одежда с поблёскивающей на ней фашистской бляхой с надписью «С нами Бог» и соседствующий с ней христианский крестик, соскользнувший с груди наклонившейся старушки-нянечки, вступают между собой как бы в молчаливый диалог. Здесь соединились два взгляда на мир: жестокий, беспощадно-мстительный и гуманный, скрестились, как два меча, два понятия, два отношения к жизни и к людям...».

Тогда, в 80-е годы, написать такую картину, показать крестик, создать абсолютно христианский образ - это был Поступок. Чего только не приходилось выслушивать художнику?! Но постепенно взгляды менялись. И, со временем, смысл образа старой нянечки в приёмном отделении больницы проступает всё больше. Нянечка без всякой брезгливости моет ноги бывшему полицая, её не останавливают ни его язвы, ни струпа. Откровенно евангельский образ здесь художник использует, как высшую степень жалости и сострадания. Каким-то необъяснимым образом фигура нянечки объёмлет всё, что есть в русском народе - бесконечную любовь, терпение, сочувствие, бесстрашие идти на помощь любому страждущему, даже заклятому врагу. Это и есть русский человек в его лучшем проявлении. Так думал сам художник.

Нянечка на картине, её руки, осенены светом, как благодатью. Таким же светом очарован и босой парнишка на крыше своего домика где-то в провинции в самой ранней, дипломной работе «Юный художник» (1962 г.). Этот благодатный свет сопровождает почти каждую работу художника. Он исходит либо от неожиданного солнечного луча, либо от глаз, либо от страницы книги... Он присутствует и в последней большой серии художника «Душевнобольные России»...

И этот свет оставляет нам надежду.

Людмила Доброва.

Примечание. Материалы о картине «Прощальный взгляд» печатались ранее в «Литературной России» №24 - 2007 г. и № 28 - 2012 г.

«Бред преследования». 1986 г.

Подробнее ознакомиться с творчеством художника можно в разделе «Галерея работ».